

— Госпожа... госпожа Бай, вы что здесь делаете? — раздался удивленный голос Лю Шэна.

Бай Чи на мгновение замерла, затем поднялась на ноги. Она держалась так, словно ничего не произошло, пытаясь стереть из памяти сцену, где она только что соревновалась с огромным черным псом, кто из них выглядит свирепее.

— Ничего особенного, — бросила она, мельком взглянув на него, и добавила спокойным тоном: — Ты пришел как раз вовремя.

Ночь была темной и неподвижной, как стоячая вода. Они стояли снаружи пустующего двора. Лю Шэн потер нос, смущенно промолчал.

— Ты не договорил то, что начал днем, — напомнила Бай Чи.

Лю Шэн вздрогнул. Не смея медлить, он поспешно начал рассказывать всё по порядку:

— Тот старый даос высчитал, что Сюй Чжаоди была предначертанной судьбой невестой для покойника, да к тому же обладала телом чистого Инь — лучшей кандидатурой для призрачного брака. И тогда, под настойчивыми мольбами той семьи, родители Сюй Чжаоди дали согласие на этот союз.

Лю Шэн понизил голос:

— Дядя Сюй был азартен, он даже украл деньги, отложенные на лекарства для собственного сына. В конце концов, дойдя до нищеты и погрязнув в долгах, он согласился на эту свадьбу. Призрачный брак — дело жестокое. После смерти Сюй Чжаоди превратилась в лютую призрачную сущность и каждую ночь начала истреблять жителей деревни.

Он сделал паузу:

— В деревне Ван все были из одного рода, кроме семьи Сюй. Они пришли сюда как беженцы. Деревенские не принимали чужаков и пригрозили: если семья Сюй не согласится на этот брак, их выгонят. В ту ночь, когда праздновали свадьбу, именно по указке даоса деревенские силой затолкали её в гроб.

Вот почему Сюй Чжаоди питала такую жгучую ненависть ко всем в деревне Ван.

— А что было потом?

— Потом, — прошептал Лю Шэн, словно в бреду, — всё пошло не так... Если бы я сегодня случайно не подслушал их разговоры, то, боюсь, оставался бы в неведении всю жизнь... Сюй Чжаоди стала лютым призраком, и даос заявил, что её обида слишком сильна. Он сказал, что

жители должны добровольно приносить жертвы на протяжении трех месяцев, чтобы умиловить её.

— И ты поверил в это? — Бай Чи не стала выражать своего мнения.

Лю Шэн молчал. Он пытался остановить их, но кто станет слушать слова слабого человека?

— Жертвами должны были быть только женщины. Сначала они отдавали старух. Постепенно сроки сократились: с одного раза в пятнадцать дней до раза в три дня. Но вскоре старых и малых стало недостаточно, чтобы насытить призрака. Ей понадобились молодые девушки. Не знаю, что именно тот даос им наговорил, но с тех пор семья тетушки Сюй съехала из деревни Ван. Они открыли лапшичную в городе, а в деревне стали постоянно появляться жертвы из числа приезжих женщин.

— Тот старый даос появился крайне некстати, и его слова были странными, но деревенские почему-то посчитали его святым небожителем, — Лю Шэн чувствовал вину. — Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: скорее всего, это злой культиватор.

Бай Чи опустила взгляд, обдумывая, насколько можно доверять его словам.

— Почему вы не бежали? Чужаки не могут найти деревню Ван, но вы-то сами можете выйти отсюда?

— Госпожа проницательна, — Лю Шэн выглядел подавленным. — Кто совершает много зла, тот сам себя губит. Мы оказались заперты в деревне Ван навсегда. Я чувствую, — он горько усмехнулся, его голос дрожал, — деревня Ван проклята, нам всем скоро конец. Это возмездие, кара небес. Каждый житель деревни несет на себе груз грехов, и я в том числе. Отец тоже знал. Чтобы выжить, он заключил сделку с тем даосом.

Лю Шэн указал на заднюю гору:

— Там логово призрака. Число погибших там не счесть. Черную ауру, окутывающую то место, вижу даже я, простой смертный.

Бай Чи подняла взгляд. Над задней горой в бледном лунном свете клубилась призрачная энергия. Неудивительно, что, как только она оказалась здесь, её нефритовая пластина для связи перестала работать, да и магические силы заметно иссякли. Скорее всего, запретный барьер вокруг деревни — тоже дело рук того даоса.

— Этот старый даос, должно быть, злой культиватор, — нахмурилась Бай Чи. — Не знаю, что он задумал, но, боясь небесного правосудия, он не решился действовать сам и обманом вовлек вас. Деревня Ван приняла на себя последствия его деяний.

Лю Шэн почувствовал, как внутри всё похолодело:

— Значит...

Значит, то, что он считал возмездием, на самом деле было спланировано кем-то другим. Они были лишь пешками в чужой игре. Видя потерянный вид Лю Шэна, Бай Чи промолчала. На самом деле, жители деревни Ван были далеко не невинны.

Ночь сгушалась. В деревне стояла такая тишина, что не было слышно ни звука.

— Подожди, — Бай Чи внезапно подняла голову и пристально посмотрела на Лю Шэна. — Почему, когда я ночью осматривала деревню, она была совершенно пуста?

— Госпожа, вы, должно быть, ошиблись? — удивился Лю Шэн и поспешил оправдаться: — Мой отец установил строгое правило: ночью выходить из домов нельзя.

Бай Чи не стала спорить. Она схватила его за шиворот и в пару прыжков оказалась во дворе неподалеку. Ворота были наглухо закрыты, в доме — ни души. Бай Чи провела его еще по нескольким домам — везде одно и то же.

— Прошу вас, госпожа Бай, позвольте мне проверить, что у меня дома, — Лю Шэн поклонился, на его лице читалась тревога.

Бай Чи молча согласилась. Усадьба семьи Лю была самой большой в деревне, найти ее было нетрудно. Войдя, Лю Шэн бросился к одной из комнат. Он распахнул дверь, тщательно всё осмотрел, но никого не нашел. Когда он вышел обратно, его сердце опустилось на самое дно.

— Так вот для кого на самом деле было установлено то правило... — Лю Шэн пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Как же это глупо. Оказывается, всё скрывали даже от него одного. Он крепко сжал кулаки.

— Тс-с, — Бай Чи внезапно приложила палец к губам, призывая его к тишине. Она закрыла глаза и прислушалась.

Звук шагов по горной тропе.

Смешанное дыхание множества людей.

Треск факелов.

И едва различимый, заунывный звук суо-на.

Бай Чи резко открыла глаза:

— У подножия горы отряд людей с факелами направляется сюда.

Лю Шэн замер, словно очнувшись от сна, и воскликнул:

— Что-то не так! Должно быть, на горе потребовали жертву. Госпожа Бай, бегите!

— Поздно.

— Я уйду в каморку для дров, — Бай Чи махнула рукой. — Что бы ни случилось этой ночью, не смей выходить.

Сказав это, она вышла со двора. Лю Шэну ничего не оставалось, как поспешно вернуться в спальню и, стиснув зубы, притвориться спящим.

В каморке.

Бай Чи успела только прилечь и закрыть глаза, как дверь отворилась. Снаружи стояли деревенские жители с факелами, вокруг царила пугающая тишина. Старая деревянная дверь скрипнула в зловещей атмосфере. Несколько женщин прошли мимо толпы, прикрыли за собой дверь и быстро направились к Бай Чи.

Никто не проронил ни слова. В полном молчании они нарядили Бай Чи в ярко-красное свадебное платье, уложили волосы и накрыли голову красной фатой. Женщины открыли дверь, подхватили Бай Чи под руки и усадили в свадебный паланкин, стоящий во дворе.

— Поднять паланкин! — раздался громкий крик.

Зазвучали суо-на, паланкин мерно закачался.

— Золотым топором гвозди забиваю, четыре стороны света освещаю. Чжу-цюэ и Сюань-у присматривают, Цин-лун и Бай-ху по бокам охраняют. Первый гвоздь — к богатству и пополнению, второй гвоздь — к благословию и небесной удаче. Третий гвоздь — к скорым успехам на экзаменах, четвертый гвоздь — к полному дому потомства.

Хриплый голос читал заклинания у паланкина. Боковым зрением из-под фаты Бай Чи увидела, как с крыши паланкина сыплются желтые бумажные деньги. Она сжала в руке свой меч и закрыла глаза, позволяя паланкину уносить её в горы, подрагивая на ходу.

Горный ветер завывал, вороны каркали, а надрывные, плачущие звуки суо-на эхом отдавались в горах.

— Остановить... паланкин!

<http://bllate.org/book/21962/2281880>